

проблемы специалистам виделся не в малоземелье — с российскими просторами это понятие сочеталось плохо, а в росте избыточного сельского населения, в так называемом аграрном перенаселении. По подсчётам исследователей, для обработки угодий в чернозёмных губерниях вполне могло хватить 40–45 процентов наличных рабочих сил.

Известный земский статистик Ф. А. Щербина, внимательно наблюдавший за жизнью воронежской деревни, отметил абсолютную неизбежность коренных перемен. Когда количество жителей, писал он, «настолько увеличится, что земледельческих продуктов окажется мало для него и под руками не бывает свободных земель, тогда для населения предстоит обыкновенно тройкий исход: или усилить производительность той же площади земли, т. е. повести более интенсивное хозяйство, или выселить приросший избыток жителей на сторону, или же изыскать, наконец, иные, помимо земледелия, материальные источники»².

Однако первый способ для воронежского крестьянства оказался попросту недоступен. Переходу к интенсивному хозяйствованию мешало слишком многое: и низкий культурный уровень деревни, и традиции уравнительного землепользования, и (что, пожалуй, самое главное) отсутствие устойчивого спроса на крестьянскую про-

дукцию. На протяжении веков община более или менее надёжно защищала материальные условия крестьянского существования, но плохо вписывалась в условия рыночного обмена. Не внушали больших надежд и переселения. Прираставший избыток жителей начал понемногу уходить из губернии уже в первые пореформенные десятилетия. Однако масштабы крестьянского выхода до начала XX века оставались относительно невысокими, и заметного влияния на сокращение аграрного перенаселения они не оказывали.

Более существенное значение имел поиск неземледельческих источников материального существования. Рост промышленности, развитие новых путей сообщения и городской жизни открывали неизвестные прежде перспективы. Всё более значительная часть крестьянства перестала воспринимать обезземеливание как полную жизненную трагедию, находились иные, нередко гораздо более прибыльные, чем обработка земли, занятия. По сведениям переписи 1897 года, в Воронежской губернии было зафиксировано около 50 разных видов домашних кустарных промыслов, в которых было занято около 40 тысяч работников с годовым заработком в 3 млн рублей.

П. А. Столыпин разговаривает с хуторянином Лашенковым и старостой.

Например, тысячи крестьян, в том числе безземельных, с успехом занимались сапожным промыслом в слободе Бутурлиновке. Уже через 20 лет после отмены крепостного права объёмы производства сапог достигали здесь внушительной цифры в 1 млн пар ежегодно. Средняя цена за пару сапог составляла тогда 3–3,5 рубля. Семья, в которой шил сапоги один мастер с помощником, зарабатывала в год около 250 рублей³. Это был вполне приличный доход, если иметь в виду, что сумма годовых денежных повинностей (государственных, земских и мирских) средней крестьянской семьи составляла около 30 рублей, а, скажем, пуд говядины на городском рынке стоил около 3 рублей, пуд ржи — около 80 копеек. Примерно такие же заработки могли иметь и плотничьи артели, в состав которых входили сотни крестьян Нижнедевицкого уезда. «Зарабатываемые деньги, — отмечал современник, — идут на уплату податей, на наём земли под посев и на домашние нужды; а часть денег (от 1/6 до 1/3 получаемого заработка) пропивается»⁴. Конечно, такие семьи продолжали заниматься и земледелием, но удельный вес привычного крестьянского труда у них заметно снижался.

Под прессом земельной тесноты десятки тысяч воронежских крестьян начали систематически прибегать к отхожим про-

